

УДК 342.5

Правозащитные функции органов государственной власти и общественных институтов в Киевской и Московской Руси

Лаврентьева Татьяна Владимировна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат политических наук, доцент

lavrentevtatyana@yandex.ru

Аннотация: В работе анализируются защитные институты в Киевской и Московской Руси: народные вече в русских княжествах, выборные органы средневековых республик, крестьянская община, право административной жалобы. Рассматриваются их защитные функции, направленность развития. **Ключевые слова:** права человека, защита прав человека, институты защиты прав человека.

Распространено представление о том, что формирование институтов защиты прав человека относится исключительно к постсоветскому этапу развития нашей страны. Бесспорно, что само понятие — относительно позднего происхождения, однако это не отрицает возможности выполнения защитных функций теми или иными органами государственной власти либо общественными институтами не только на советском, но и на досо-

ветских этапах развития.

Поэтому стремление доказать наличие институтов гражданского общества в российской государственности встречает сопротивление как со стороны представителей крайне западного направления общественной жизни, полагающих, что в России, в силу специфики ее развития (отсутствия, в отличие от Западной Европы, городского самоуправления в средние века, парламента в эпоху Возрож-

UDC 342.5

Defensive function of organ state authorities and public institute in Kiev and Moscow Rus

Lavrent'eva Tat'yana Vladimirovna, associate professor of the department of civil law disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (politics), associate professor

lavrentvtatyana@yandex.ru

Annotation: Defensive institutes are analyzed in work in Kiev and Moscow Light brown: public veche in russian principality, electoral organs of the medieval republics, peasant commune, right of the administrative complaint. Their protective functions, orientation of development are examined. **Keywords:** human rights, institutions of protection of human rights.

дения), и не могло возникнуть идентичных западноевропейской традиции институтов гражданского общества. С другой стороны, оно же встречает сопротивление и представителей крайне славянофильского направления, убежденных, что концепция гражданского общества направлена на разложение российской идентичности, смену ментальности, поэтому не только не нужна, но и вредна, опасна в российских условиях.

Точно так же и при обсуждении проблем развития институтов защиты прав человека, как составной части гражданского общества,

если крайние западники полагают, что права человека в российской истории всегда были подчинены воле государства, то крайние славянофилы считают, что концепция прав человека противоречит православной традиции с характерными для нее симфонией личности и общества, соборности и т. д.

Важность исторического исследования по проблематике прав человека в этой связи предопределяется необходимостью познания истоков как самого института защиты прав человека, так и проблем, противоречий, сопутствующих его развитию на современном этапе.

Само понятие «гражданин» возникло в древнерусском языке. Правда, изначально оно означало всего лишь жителя города («града») и лишь затем расширилось до представления обо всех жителях государства, руководимого этим городом. В любом случае, такое понимание коренным образом отличалось от сложившегося в современной науке представления о гражданине как о носителе комплекса прав и свобод, осознающем эти права и свободы, активно защищающем их и, вместе с тем, осознающем и свою ответственность за соблюдение обязанностей.

Понятие защиты прав человека напрямую сопрягается с выборным началом, развитием представительных (в той или иной степени) органов. Поэтому выборные органы в истории российской государственности практически всегда можно рассматривать как защитные институты и с позиции прав личности в социуме.

«Ошибочно утверждать, что понятие прав человека появилось в России лишь в постсоветское время: еще в средние века Новгородская и Псковская республики воплощали в себе идею широкой народной вольницы» [1], — утверждал, в частности, в 2003 г. О. О. Миронов, будучи Уполномоченным по правам человека Российской Федерации.

Конечно, Новгородская демократия в значительной степени мифологизирована. Та система управления, которая традиционно приписывается Новгородской земле (с приглашением и изгнанием князей, ограничением их власти сугубо военными функциями, распределением власти между князем,

посадником, тысяцким и епископом) начала складываться лишь в последний период существования древнерусского государства. До середины XII в. князь являлся реальным, действующим главой Новгорода и не приглашался вече, а занимал свое место в соответствии с принципами лестницы.

С другой стороны, вече не было каким-либо исключительным изобретением Новгорода, а являлось на определенном этапе принадлежностью любого русского княжества.

И, наконец, само по себе вече и избрание на нем должностных лиц не может быть залогом демократичности государственного устройства.

Прежде всего, вече, формируемое из жителей всего лишь одного города, брало на себя труд решать проблемы всей огромной Новгородской земли, простиравшейся от Балтии до Урала. И далее, независимо от того, считаем ли мы, что на вече были представлены исключительно бояре либо все самостоятельные домохозяева, они, так или иначе, составляли явное меньшинство населения и самого города.

Юридическое оформление взаимоотношений между личностью, обществом и государством, с фиксацией (большей частью, правда, односторонней) прав и обязанностей, впервые произошло в «Русской правде».

Необходимо понимать, что суть «Русской правды» вовсе не в том, что она письменно зафиксировала существовавшие у славян до этого в преданиях правовые нормы. Наоборот, «Русская правда» отрицала принципы обычного права. Ее появление как раз и дик-

товалось отходом от принципов догосударственного общества, развитием феодальных отношений. Отсюда — необходимость заменить передающиеся из поколения в поколение обычаи юридическими нормами либо ввести новые нормы там, где обычное право отсутствовало.

В то же время «Русская правда» содержала и многочисленные уступки общественному мнению, сложившемуся в потестарный период. В документе отчетливо видны и родимые пятна родоплеменных отношений: так, вовсе не запрещаются отношения кровной мести.

Интересно, что имущество человека, согласно «Русской правде», ценилось больше самого человека. Согласно закону, имущественная безопасность, неприкосновенность капитала обеспечивались личностью человека. Так, несостоятельный должник или потерявший чужое имущество купец мог быть продан в рабство. При этом законодательство относилось к холопам как к имуществу: порча раба приравнивалась к порче имущества и возмещалась равным образом.

Отличительной чертой «Русской правды» было также и то, что она фиксировала расслоение общества на неравные категории, вводя неравные наказания за равные преступления и наоборот. Тем самым «Русская правда» отражала все усложнявшееся строение общества.

«Русскую правду» отличает явная инвективная направленность: из текста значительно проще понять, какие обязанности имел житель древнекиевского государства и какие наказания ожидали его в случае отступления

от требований закона, чем то, какими правами (пусть и неравными) он наделялся.

В полном соответствии с политической практикой, не только отечественной, феодального периода, «Русская правда» исповедовала принцип нераздельности власти (в частности, княжеской) и суда.

Безусловно, для этого периода характерно вторичное, подчиненное положение прав по отношению к обязанностям человека. Такие памятники русской политико-правовой мысли, как «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о законе и благодати», значительно более определенно говорили о том, что человек должен, чем о том, что он может делать. И все же явственно звучащие там призывы к соблюдению нравственных законов общезжителюшества позволяют говорить о начальных, зачаточных, но уже имеющихся представлениях о защите прав человека.

Следующим этапом в развитии взаимоотношений личности, общества и государства стал московский период, в недрах которого можно найти как черты, продолжавшие традиции киевского периода, так и новые черты, киевские традиции отрицавшие.

Формирование Московского царства происходило в борьбе между несколькими объединительными центрами, каждый из которых предлагал собственную концепцию политического развития и, опосредованно, различные концепции прав личности в социуме.

Выбор шел, таким образом, не просто между городом, а между различными концепциями политического развития, начало которым было положено уже в киевский период

русской истории: демократией (северо-запад), аристократией (юго-запад) и автократией (северо-восток).

Новгород был типичной аристократической или купеческой республикой, представлявшей собой партию — фамилии — торговые дома, в основе консолидации которых лежали экономические интересы. В этих условиях вече было послушным орудием совета господ как органа согласования интересов различных партий, стоявших за решениями вече. Процесс формирования высшего управленческого слоя носил закрытый аристократический характер с признаками замкнутой правительственной олигархии и полностью определялся позицией немногих богатейших семей. В основу социальной иерархии был положен имущественный ценз, что служило причиной глубокой социальной и земской розни.

Единственным воплощением аристократической традиции стала, таким образом, Литва, со сложившимся впоследствии сеймом, в котором господствовал принцип «либерум вето» (принцип единогласия), который можно, конечно, трактовать по-разному, но который, в любом случае, обеспечивал предельную свободу высказывания депутатов парламента. Таким образом, объединение Руси во главе с Литвой означало бы безусловное вхождение ее в Европу.

Достаточно близко к виленскому варианту примыкает и тверской. Здесь еще очень живы были традиции военной демократии, когда князь принимал решение не иначе, как после совета с ближним кругом.

Выбор Москвы означал, таким образом, и выбор наихудшего варианта развития: она наследовала и владимирской традиции подданничества, и византийской традиции императорского единоначалия, и золотоордынской традиции.

Не случайно поэтому, что одновременно с процессами формирования единого государства вокруг Москвы шли и процессы закрепощения основной массы населения, то есть крестьян, лишения их даже тех немногих прав, которые были за ними закреплены к XV в. Судебник 1497 г. традиционно изображается как начальный акт введения крепостного права: здесь сначала введен, а затем, спустя столетие, отменен Юрьев день.

В этом смысле ключевую роль играют исторические традиции, конкретно-исторические условия функционирования и особенности социально-политических отношений. Именно они определяют для личности границы риска потери иммунитета от власти, в соответствии с которыми выстраиваются отношения личности с этой властью.

В научной мысли четко различаются понятия свободы и воли: воля не связана с понятием свободы для других.

Что касается России, то свобода здесь воспринимается скорее как воля. Следует отметить, что воля предполагает вседозволенность в рамках дозволенного кем-то или чем-то, то есть определенными границами (пространственными, административными, экономическими, личными и т. д.), без обязательств перед властью и обществом. Принципиальным отличием свободы от воли в общественном

восприятию является то, что воля, по сути, даруется, поэтому волю можно сегодня даровать, а завтра забрать. Не случайно поэтому и В. Даль определял свободу через волю и распространял это понятие на гораздо более широкий круг явлений, чем допускает западная традиция, вплоть до «полного, необузданного произвола или самовольства» [2, с. 151].

В России такое восприятие свободы как воли в большей степени определялось специфическими отношениями власти и собственности, в рамках которых границы собственности субъектов общественных отношений были размыты.

Как государство часто вторгалось в пределы частной собственности, так и общество вторгалось в пределы государственной собственности, а индивиды вторгались в пределы иной частной собственности.

Эти своеобразные взаимоотношения между властью и собственностью исторически присущи российской политической системе, независимо от смены общественного строя. Уже в царской России именно государственная власть назначала купцов или промышленников, лишала их собственности, давала преференции. В отличие от западной политической традиции, смена правителей не предполагала не только неприкосновенности подданных, но и неприкосновенности их имущества.

С проблемой собственности тесно связана и проблема свободы. Во всяком обществе человек свободен настолько, насколько он является независимым собственником. На-

сколько он лишен собственности, настолько он сам является собственностью вышестоящей социальной инстанции. Но понятие о неотъемлемых человеческих правах относится, скорее, к Европе, а не к России, поскольку наш феодализм мало походил на европейский. Российские крестьяне закрепощались не в единичном, но в массовом порядке с опозданием на столетия, когда в большей части Европы, за исключением Польши и некоторых германских княжеств, они везде уже были свободны. Начиная с Петра I, крестьянин попал в состояние рабское, а в отношении раба странно говорить о юридически закреплённом праве собственности и свободе.

Включенность человека в систему сословно-иерархических отношений означала вместе с тем и его социально-правовую защищенность. Однако, с другой стороны, она же означала и ограниченность его прав, их пределы, и обязательства социальных институтов перед личностью.

Одним из основных общественных сословных институтов, выполнявших по необходимости также и защитные функции, была община — один из феноменов отечественного общественно-государственного устройства.

Все земледельческое население в деревнях («весах») объединялось в общину («вервь»), которая выступает как административно-юридическая категория. Именно община несла ответственность за действия (прежде всего, преступные) своих отдельных членов; она же страховала отдельных общинников на случай неурожая, пожара; она же, с другой стороны, и усредняла уровень жизни людей.

Необходимо отметить, что в условиях, когда государство практически не выполняло социальные функции (эта роль будет осознана государством значительно позже, на волне века Просвещения — XVIII в.), община была единственным средством социальной защиты крестьян.

Община же выполняла и карательные функции, обеспечивая порядок и наказание за преступления. В общине существовала круговая порука, которая означала вовсе не покрывательство преступлений, а коллективную ответственность общины за действия ее членов и коллективную помощь общины тем, кого мы сегодня назвали бы «социально слабыми» категориями населения.

Община предоставляла своим членам как экономические, так и гражданские права: возможность избирать руководство общины и максимальное самоуправление в ее пределах. При этом решения принимала именно вся община: на ее собраниях мог участвовать и голосовать любой взрослый общинник.

К сожалению, защитные механизмы приобретали с течением времени все более иерархический, сословный характер. Правовая защищенность напрямую была сопряжена с принадлежностью к той или иной группе населения, к общине, и ранжировалась в зависимости от положения этой группы в обществе. Нераздельность прав означала, вместе с тем, и нераздельность обязанностей внутри общины. Именно община несла коллективную, совокупную ответственность, в том числе и за преступления своих членов.

Объем и распределение прав, особенно

экономических, между членом общины и самой общиной с течением времени менялись. Изначально «это был самоуправляющийся союз свободных крестьян на обширной территории, который обычно называют «волостная община» или «волость-община». Члены такой волости-общины владели землей на праве частной собственности, однако самостоятельным субъектом собственности являлась и сама волостная община. В ее владении находились леса, сенокосы, пастбища, озера, вместе с тем она имела некоторые права и на земли, принадлежащие крестьянам на праве частной собственности. Так, в ее владение переходили все выморочные и покинутые собственниками участки. Волость-община охраняла целостность волостной территории и боролась против перехода деревень и пустошей во власть монастырей и других крупных землевладельцев.

Однако впоследствии, «в связи с ростом политической роли крестьянской общины, обнаружилась тенденция к усилению ее власти в регулировании внутриобщинных земельных отношений. По мере увеличения числа членов общины стали ощущаться нехватка удобных пахотных угодий и нарастать так называемое земельное утеснение. Эти два процесса — усиление государственно-политических функций общины и рост земельных утеснений — сыграли роковую роль в исторической судьбе частной крестьянской собственности на землю. Община постепенно расширяла свои поземельные функции. В ряде областей, где особо остро ощущалась нехватка земельных угодий, крестьянский мир на сходах принимал

решения под давлением средних и бедных, малоземельных членов общины о справедливом переделе земли. Этим наносился смертельный удар по частной крестьянской собственности на землю» [3, с. 173].

Разрастание функций государства закономерно требовало и все большего вмешательства государства в дела местного самоуправления: государство начинает подминать под себя и заставлять служить своим интересам крестьянскую общину. На нее уже в XVI в. были возложены тягловые функции — разверстка, исполнение разнообразных повинностей, сборов.

Община, таким образом, с течением времени все больше стала превращаться из органа местного самоуправления в низшее звено государственного управления, что еще раз подчеркивало нарастание процесса централизации и унитаризации власти. Это в значительной степени проявилось в реформах так называемой Избранной рады первых лет правления Ивана IV, а именно губной и земской реформы.

Характерно при этом, что как власть, так и население вовсе не считали выборность неким достижением или показателем общественного доверия: государство посредством реформ всего лишь скидывало вниз те полномочия, которые ему самому было осуществлять затруднительно, а население воспринимало (во многом справедливо) такую выборность не как право, а как тяжкую повинность, и стремилось от нее избавиться. Не случайны репрессии правительства против уклоняющихся от выборов, вплоть до уголов-

ного преследования.

Суть реформы состояла в наделении властными функциями именно выборных учреждений и в насыщении их, помимо всего прочего, и широкими судебными прерогативами. Местные выборные органы должны были отчасти компенсировать слабость государства, уже способного отказаться от кормленщиков, но еще не готового создать бюрократизированную, разветвленную ветвь административной, налоговой и судебной власти на местах. Встроенные в вертикаль власти, земские и губные органы самоуправления были призваны обеспечить функционирование государственной власти в низовом звене.

В первые периоды российской истории формы защиты прав человека были достаточно примитивны и связаны, прежде всего, с обращениями населения к власти предрержащим.

Граждане России имеют давние традиции написания обращений для их последующей подачи на высшие уровни власти. Можно сказать, что сколько существует государство, столько же существуют и обращения к нему.

Эти обращения изначально существовали в форме жалоб, или челобитий; предложения же государству по совершенствованию его работы либо изменению его структуры не предполагались и не воспринимались ни народным сознанием, ни сознанием элит.

Для исследования феномена обращений граждан необходимо проследить действие механизма так называемой «административной жалобы», подразумевающего, что на всех этапах развития российского государства граждане предпочитали обращаться с требованиями

и за поддержкой не в судебные учреждения, а к исполнительной администрации.

Жалобы населения как регулятор деятельности региональных органов представляют собой общественно-государственный институт, являющийся элементом исторически сложившейся структуры принятия решений и определяющий, наряду с выборами и назначениями, формы контроля за реализацией принятых решений. Обращения и жалобы являются сигналами обратной связи не только в экономической системе. Как справедливо отмечает О. Э. Бессонова, они представляют собой важнейший политический институт, регулирующий социальные отношения в сфере власти и формирующий основополагающую структуру принятия и контроля решений по всей властной иерархической вертикали органов регионального управления во главе с центром [4, с. 97].

Если в западных странах борьба с ущемлением прав населения со стороны органов власти и управления традиционно реализовывалась, прежде всего, в виде судебных исков, через судебную систему, то в России таким основным механизмом была административная жалоба в вышестоящую инстанцию. В этой сфере под административной жалобой понимается «всякое заявление, сделанное высшей административной властью на действия низшей, по предмету нарушения последней каких-либо личных имущественных прав или интересов» [5, с. 710].

Именно через институт жалоб население и организации в значительной мере могли осуществлять институциональные изменения в

соответствии со своими интересами. Д. Норт отмечал, что развитие структуры институтов любого общества дает возможность людям выражать свои идеи, мнения и убеждения с очень низкими издержками для себя, и именно это позволяет осуществлять изменения в обществе [6, с. 111]. Для западного общества этой цели служил, прежде всего, избирательный процесс. В условиях России аналогичной цели служил и институт жалоб, который, так же, как и выборы, является формой, механизмом обратной связи. Чем более развит этот механизм, чем шире возможности населения выражать свои жалобы, чем лучше отлажены их учет, контроль и исполнение, тем эффективнее могут быть осуществляемые в обществе преобразования.

В период Московского государства духовенство, служилые люди, посадские, волостные и «всяких чинов» люди «били челом государю, царю и великому князю» о всяких своих тяготах, обидах и разореньях. Посадские и крестьянские старосты и выборные люди несли и везли свои «челобитья великие» в Москву самому царю или в приказы царские. Эти челобитья не оставались гласом вопиющего в пустыне. Хотя московские цари и видели в них «докуку безпрестанную», но ответом на них всегда было рассмотрение затрагиваемого вопроса и почти всегда удовлетворение жалоб и ходатайств [7, с. 274–275].

«Мир» пользовался правом жаловаться на злоупотребления, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотреблениям не потакало [8, с. 286].

Содержание челобитных было в высшей

степени разнообразно и касалось всех вопросов управления в самом широком смысле этого слова: вопросы организации и функций административных учреждений (правда, только местных), вопросы податные и финансовые вообще, вопросы тягло-сословного строя и т. д. Челобитные затрагивали все сферы внутреннего административного строя, все стороны общественных отношений, которые регулировались в значительной степени под влиянием челобитных, и тех предложений и мер, которые указывались московскому правительству в этих челобитных [7, с. 281–282].

Институт административной жалобы в этот период включал также челобитные, подаваемые на земских соборах. За счет этого расширялся канал связи между управляющими и управляемыми. «Соборы представляются несомненно полезными, как средство непосредственного общения государя с землей: из челобитных выборных людей государи прямо знакомились с потребностями страны, недостатками управления и злоупотреблениями органов администрации» [7, с. 295].

Стоит отметить, что до 1497 года сам институт права граждан на обращение не имел ни практического, ни правового подкрепления в органах государственной власти того периода. Отчасти это связано с тем, что в древнерусском государстве было не принято ратовать, а тем более обращаться к власти за помощью, так как это было чревато последствиями для обратившихся. У простых людей и правящей верхушки отсутствовало правовое сознание и понимание необходимости и важности создания такого правового инсти-

тута, без которого невозможно было дальнейшее цивилизованное развитие российского государства.

В полной мере мы можем проследить законотворчество государства по поводу обращений к нему населения, начиная с XV в. Первым общероссийским законом, регламентирующим работу системы государственной власти, говоря нынешним языком, с обращениями граждан, является Судебник 1497 года.

В Судебнике 1550 года одновременно с ответственностью судей за отказ в правосудии вводилось наказание для жалобщика, который бьет челом не по делу, то есть приносит жалобу на судей, отказавших ему в иске ввиду незаконности последнего. Вынесенное с соблюдением установленной подсудности определение об отказе в иске считалось окончательным.

«В XVI–XVII вв. существовал так называемый «ярыжка кабацкий», который писал даже челобитные на имя царя. Это был грамотный посредник между гражданином и властью» [9, с. 15].

Следующим этапным документом было Соборное Уложение 1649 года. В статье 20 Соборного Уложения 1649 года развиты положения статьи 7 Судебника 1550 года, но из всех сюжетов выделен один — запрет обращаться по любому делу непосредственно к царю. Согласно Соборному Уложению приказ являлся обязательной инстанцией, предшествующей обращению к суду самого государя. Только в случае отказа в приеме дела к производству или не решения принятого дела жалобщик мог обращаться непосредственно к монарху.

Как видим, окружение царя не было заинтересовано в его непосредственных контактах с подданными. Этим объясняется строгая — уголовная ответственность за нарушение статьи 20 Соборного Уложения 1649 года: батоги или краткосрочное лишение свободы. Судебник 1550 года предусматривал за это только тюремное заключение, но без указания срока. Соборное Уложение сохраняет отмеченный в Судебнике принцип подведомственности челобитчика.

Таким образом, можно сделать вывод, что общерусское законодательство только после выхода в 1497 году Судебника дало право, говоря современным языком, обращаться с жалобами ко всем олицетворяющим власть лицам — вплоть до самого государя.

В соответствии с логикой Н. Макиавелли, власть стремилась с помощью жалоб и челобитий добиться не улучшения жизни населения, а усиления контроля за деятельностью управленческого аппарата, стремилась держать этот аппарат в подвешенном состоянии. Челобития позволяли также выпускать пар в моменты чрезвычайных ситуаций, когда центральной власти угрожала опасность, они позволяли отвести от нее гнев и недовольство народа, направив его на средний эшелон управления. Тем не менее, право граждан обращаться в органы государственной власти совершенствовалось, все более и более отвечая интересам и государства, и широких масс.

В допетровский период шлифовалось, прежде всего, само право на обращение в те или иные властные структуры, в частности, к царю. Определялись и уточнялись субъек-

ты обращений, порядок работы с челобитными во властных структурах, меры наказания должностных лиц, уклоняющихся от работы с жалобами.

Под институтами защиты прав человека в истории Киевской и Московской Руси, можно понимать и выборные органы Новгородской и Псковской республик, представлявшие в той или иной степени народные интересы, а также крестьянские общины, выполнявшие защитные функции по отношению к своим членам. С течением времени демократия средневековых республик все более приобретала черты замкнутой правительственной олигархии, а община превращалась из органа местного самоуправления в низшее звено государственного управления.

Примечания

1. Состоялась встреча с Уполномоченным по правам человека в РФ Мироновым Олегом Орестовичем. URL: <http://aspirant.rggu.ru>.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 4.
3. Кудинов П. А. Предисловие // Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. М., 1997.
4. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.
5. Энциклопедический словарь / издатель Ф. А. Брокгауз, И. А. Евфрон. Санкт-Петербург,

1896–1906. Т. 11. 1210 с.

6. Дитятин И. Роль челобитных и земских соборов в управлении московского государства. Статьи по истории русского права. СПб., 1895.

7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 томах. М: Мысль, 1988. Кн. 5.

8. Вагизов Р. Г. Институт Уполномоченного по правам человека: история, теория, практика: учебное пособие. Казань: КазГУ, 2005.